

[Пробуждение деятельности в духовенстве]

[Сноска в газете:] Эта статья писана духовной особой.

Говорят и пишут, что деятельность в русском православном духовенстве пробудилась... В доказательство этого пробуждения обыкновенно указывают на появление новых духовных журналов и на заведение духовными лицами народных школ. Прекрасны, отрадны эти явления: но они ещё не могут вполне доказывать деятельности духовенства. Появление новых духовных журналов можно объяснять дарованною свободою — заявлять доброе слово печатно. Истин вероучения и нравственности христианской много, развития их станет не на 17 только нынешних духовных журналов, а и на 170. Но пусть будет их и 170, всё-таки и тогда можно будет судить лишь о деятельности духовных лиц, принявших на себя обязанности редакторов и сотрудников журналов, а не об общей деятельности всего русского православного духовенства; можно будет судить только об учёной, печатной деятельности духовенства, которая может идти своей дорогой, отличной от действительной жизни большей части духовенства. Прекрасна и полезна журнальная деятельность; но хорошо ли будет, если она-то будет усилена, а в действительной жизни духовенства будет прежний застой? Прекрасна и полезна журнальная деятельность; но гораздо прекраснее, по-нашему, та деятельность, которая имеет прямое отношение к народу, к пастве.

с. 565

Заведение духовенством многочисленных школ для обучения народа ближе и вернее говорит в пользу деятельности православного русского духовенства. Но хорошо, если школы учреждаются без понудительных мер, по собственному сознанию основателей в пользу их, по собственному их желанию выучить народ грамоте и научить его истинам веры и нравственности, и таким образом для себя же облегчить дело пастырского служения! Хорошо, если заведение духовенством школ вытекало прямо из духа, потребности и призвания его, и не имело характера одной официальности! Там, где училища учреждаются ради одной формы, по приказу или по увлечению, там они успешно идти не могут, там они уничтожатся при первом удобном случае. При том же и школы в заметных цифрах учреждаются в очень немногих губерниях, в других, кроме заведённых самим Правительством, или нет, или есть, но в таком малом количестве, что считать их надобно не сотнями и десятками, а единицами.

Скажем своё слово о действительной жизни большей части русского православного духовенства, и поговорим о том, как оно отвечает современным проявлениям жизни.

Громадное большинство нашего духовенства и теперь идёт ещё особенною дорогой, впрочем, давно уже проложенною. Эта дорога весьма отлична от современных лучших проявлений жизни духовной. Одни из духовных и теперь вовсе не читают даже и духовных журналов, и как будто ничего не теряют от этого. Расскажите таким о новых, благородных проявлениях жизни духовенства, на которые указывает современная духовная журналистика: они будут вас слушать, как будто это вести из другого мира! Дайте им прочитать какую-нибудь статью, даже лично до них относящуюся: они будут смотреть на неё, как на иноземное растение, пересаживаемое на русскую почву. Спросите их о современных вопросах, занимающих духовенство; они ничего не слышали, ничего не видали, ничего и сказать не умеют. Они думают, что журналы пишут люди учёные, пишут так себе для себя, для своей потехи, по своей охоте. Значения и отношения их к себе они не видят. «Куда нам, — скажут вам они, — до журналов ли нам?» Другие сами выписывают духовные журналы и читают; но читают, так сказать, от скуки; читают не для того, чтобы самим посудить о чём-нибудь, а так себе, надобно же читать, когда

* Свирелин, А. И. [Пробуждение деятельности в духовенстве] / А. И. Свирелин // *Северная пчела*. — 1862. — 29 мая (№ 142). — С. 565—566.

выписывается журнал, не пропадать же даром отосланным в редакцию деньгам... К третьему разряду принадлежат те почтенные лица духовные, которые вполне и во всём отвечают насущным требованиям жизни духовенства: но об этих прекрасных личностях мы говорить не будем — не такова наша задача.

Что же значит это несочувствие первого и второго разряда духовных лиц к современному пробуждению жизни духовенства? Где скрываются причины такой апатии?

Такая жизнь не есть что-нибудь новое, приобретаемое внешним отчуждённым от общества положением духовенства: она есть естественное следствие глубоко положенных начал в самой школе. Внешнее отчуждённое положение духовенства только развивает и укрепляет её. На этом основании мы должны начать несколько издалека. О школьном, семинарском воспитании не будем входить в подробное исследование: о нём и писано и говорено было много не только в духовных, но и в светских журналах. Мы обратим внимание лишь на тот главный принцип, которым руководятся все семинарские занятия, проникаются все учёные труды семинариста. Главный недостаток семинарского образования — это отрешённость его от духа науки, от жизни и от общества. В семинаристе не развивается любви к науке, мало развивается и собственной охоты к занятиям. Нет у него собственных интересов в науке. Не видит он никакого приложения знаний к жизни. Он учится, учится очень хорошо, прилежно; но учится больше по внешним побуждениям, из интересов материальных; учится потому, что ему велят учиться; учится потому, что если он не будет учиться, то его или посадят низко, или выключат из семинарии, и в таком случае он не получит ни священнического, ни дьяконского места. Мы очень хорошо знаем, что многие из семинаристов ведут жизнь совершенно труженическую: занимаются много, ночи просиживают за книгой, отказывают себе в самых невинных развлечениях; но все занятия их не одухотворены, не осмыслены животворным началом, и имеют в своём основании одни лишь внешние интересы: место в более или менее доходном приходе. В доказательство этого мы приведём тот факт, что усиленные занятия особенно заметны в учениках, сидящих в начале 2-го разряда, которым хочется кончить курс студентами, и у сидящих в конце 1-го разряда, которым не хочется быть высаженными из него. И что же выходит из этих занятий? То, что ученик кончает курс, совершенно усталый; силы и способности его, бывшие долгое время в чрезвычайном, непомерном напряжении, по необходимости требуют немалого отдыха. Причина того, почему ученик и по окончании курса смотрит на семинарию как-то неприветливо, холодно, заключается именно в той усталости за семинарскими занятиями, которые он совершал с насильем себя, по причинам чисто внешним, из побуждений страха и угроз!

Отчего это воспитанники других заведений — университетов, лицеев, училища правоведения, многих гимназий — сохраняют во всю жизнь свою самое лестное воспоминание о месте своего воспитания, а при воспоминании об академии или семинарии многие воспитанники их морщатся? Бывшие воспитанники университетов и лицеев иногда собираются на обеды, и на этих обедах сидят маститые старцы рядом с цветущими жизнью юношами, только что оставившими университетскую или лицейскую скамью; министры, государственные люди рядом с молодыми людьми, только что начинающими свою служебную карьеру. И все они — одна семья. И все они — дети одной, вечно и равно для всех дорогой *alma mater*. Отчего и у министра и у канцелярского чиновника одинаково блестят слезой глаза, когда поднимается бокал на заветный тост за преуспеяние, за процветание этой *alma mater*? Отчего это маститые старцы при этом тосте крепко целуются с юношами, государственные люди с помощниками столоначальников? Во имя чего это? Во имя какого принципа?

Во имя первого блага в мире, во имя просвещения, во имя того просвещения, начатки которого получили они на одинаково для всех их дорогой, до гробовой доски дорогой скамьи университета, лицея и так далее! А иные, бывшие воспитанники духовных учебных заведений, зачастую морщатся при воспоминании о месте своего образования. Отчего это?

Ученик семинарии приносит на должность свою (священника или диакона) не живой, а мёртвый капитал мысли и воли. Учёной деятельности с него не спрашивают, а школа не развила в нём любви ни к чему, а тем менее к умственной деятельности; оттого и в служении и в жизни своей он исполняет внешние лишь требования своей должности. Зазвонили к вечерне, к заутрене, к обедне — он идёт в церковь и служит. Позвали его совершить требу — идёт и совершает. Живой мыслью он не проникается, и нет у него развития внутреннего богатства настолько, чтобы найти мысль и жизнь в исполнении своей обязанности. Образование и усовершенствование себя он считает делом школы, а не жизни. Он не в школе, а следовательно, ему нет надобности совершенствовать себя. И он никогда не сознается, что от этого он что-

нибудь теряет. Если коснётся дело этого щекотливого вопроса — он покажет вам аттестат на степень студента или кончившего курс: аттестат этот, как очевидное свидетельство его образования, вывешивается в его комнате на видном месте. Он так полагает, что школа дала ему образование однажды *навсегда*: что он потерять это образование не может, точно так же, как не может потерять написанное в его аттестате звание студента. Он никогда не может допустить, чтобы второразрядный, бывши на месте, при своих усердных учёных занятиях, был когда-нибудь учёнее его. Эта же безжизненная мера своих знаний устанавливается особенными должностями и наградами, получаемыми на местах. Депутат, увещатель считают себя умнее не имеющих сих титул; получивший скуфью, камилавку — умнее не получивших этих отличий. Благочинный считает себя умнее всех состоящих в ведении его священников, к какому бы разряду он ни принадлежал по окончанию курса. Должность или награда принимается здесь как выдержанный экзамен на учёную степень.

Последствия такого взгляда на образование и вообще на жизнь неотрадны. Отсюда вытекают недружелюбие, скрытность, уклончивость, недоверие одного к другому. Возьмите маленький городок в губернии, где не более пяти, шести священников; вы не найдёте или редко найдёте единство и в этом малом обществе: каждый хочет жить на особицу и преимуществовать пред другими, семейство одного не сходится с семейством другого. Горе и радость одного не возбуждают никакого сочувствия в другом. Открывается благоприятный случай одному посмеяться над другим, перетолковать что-нибудь в невыгодную сторону — он не упустит этого из виду, посмеётся, перетолкует, Это очень замечательная черта в нашем духовенстве. Спрашивается: когда, в какой нужде, в каком горе священника помогли ему другие священники без всякой затаённой мысли, по одному чувству бескорыстной любви к своему товарищу? А университетские, например, завели или заводят общества всякого рода вспоможения своим братьям по одной родной *alma mater*...

Отсюда является искание почестей и должностей в духовенстве. Печальный, грустный факт, но факт неопровержимый! Из надежды на получение награды иной священник несёт, или лучше, сам навязывается нести много должностей, даже безвозмездных. Для получения должности, которая приносит доход, не щадится ничего — ни здоровье, ни время, ни даже деньги.

с. 566

Отсюда очень понятно равнодушие в духовенстве к духовной журналистике и вообще к образованию себя вне школы, на месте. Когда должности и награды можно получать с тем же образованием, какое дала школа, а школа в свою очередь не развила истинной любви к учёной самодеятельности, где же искать побуждений к самоусовершенствованию? Что за нужда, что за неволя заниматься, приобретать познания, когда внешнее положение священника и без этого может быть очень благополучно обставлено? Что заставит заниматься тем, чего не спрашивают при получении высшей должности или награды? «Довольно с нас, — так обыкновенно рассуждают, — мы кончили курс, мы студенты; с нас эти звания не снимутся по гроб; следовательно, мы все будем считаться людьми учёными. Теперь жизнь указывает пути другие: пред нами новые должности с другими названиями, новые титулы с новым весом и значением; дело науки покончено в своё время; теперь дело жизни *новой*». Прихожане сельские и большая часть городских не спрашивают со священника многих познаний; да и сам священник видит, что ему достаточно и школьного образования, чтобы считаться умнее среды, в которую он поставлен. А для получения должности или награды, как мы сказали, особенного образования не надобно. Здесь только нужна исправность официальная и возрастающая цифра лет от роду и по службе. Священник, при благоприятных для него обстоятельствах, с соблюдением официальных форм может, в городе и селе, чрез 25 лет иметь скуфью, камилавку и более, при том образовании, какое дала ему школа, то есть может получить эти достоинства, не бравши во все эти 25 лет и книги в руки, кроме служебника да требника. Вот почему люди с искренним сочувствием к просвещению притупляют нередко свою благородную энергию, когда поступят на место! «И занялся бы, — обыкновенно так здесь рассуждается, — и время есть, и средства, да к чему всё это поведёт? Ведь лбом стены не прошибёшь; хоть с неба звёзды хватай, а нельзя переступить предела, положенного официальными формами!» И таким образом, кладётся книга в дальний ящик и запечатывается семью печатями!.. Вот почему из многочисленного духовенства, получившего изрядное образование, выходит так немного действительно полезных деятелей! Вот почему в самом духовенстве не встречается сочувствия к своим собратиям, заявившим себя на поприще литературном! И честный труженик, служитель живой мысли, должен идти путём тернистым, среди бесчисленных насмешек от своих присных, среди пере-

толкований, колкостей, невнимательности, даже презрения... Где же правда, где же любовь, где же свобода, проповеданная Христом Спасителем?

Мы сказали бы только половину дела, если бы рассмотрели жизнь духовенства с одной официальной стороны и не коснулись другой — *материального содержания* духовенства. Бедность содержания ставится в числе самых важных причин, останавливающих развитие духовенства, и самых важных извинений его в застое и невежестве. Действительно, материальное содержание духовенства очень непривлекательно. Большая часть духовенства перебивается с копейки на копейку и едва-едва может свести приход с расходом в своей обиходной, ограниченной жизни. Устройство дочерей, содержание сыновей в школе, безнадежное житьё впереди по сдаче места — всё это требует особенных приобретений, изыскания средств добыть больше, нежели сколько приносит приход. От этого сельское духовенство большею частью обрекает себя на земледельческий труд и выгадывает заменить собственным трудом труд вольнонаёмный. Очень не у многих священников можно найти работника или работницу: все дела по дому и хозяйству стараются обделывать сами, своей семьёю. Войдите в дом сельского священника: самого его увидите где-нибудь работающим на дворе, его жену хлопчущую около печи, его дочерей за ткацкими станами или за веретенем в руке. Посмотрите на наряд сельского священника: он надевает поношенное, заплатанное полукафтанье, а рясу только в двенадцатые праздники, чтобы не износилась скоро и не потребовалось бы другой. Посмотрите на священников летом в рабочую пору. О, тяжело смотреть тогда на служителей Божиих, строителей таин Христовых, на учителей и блюстителей словес мудрости Христовой! Все почти они в поле — кто пашет, кто боронит землю, кто косит и убирает сено, кто жнёт или трудится около овина; пот градом льётся с хиротонисанной главы священника; изнемогают от усталости его руки, которыми завтра должен он совершить бескровную жертву за спасение мира!.. Посмотрите, в чём он? В одной рубахе, босиком! Какой же после того искать деятельности у этих тружеников, обрётших себя на чернорабочий труд? Где тут искать высших проявлений жизни духовной? И действительно, жизнь земледельца-священника вращается главным образом около земных интересов. Спросите его: хороша ли его жизнь? Он ответит: хороша (если прибыльна) и нехороша (если бедность глядит ему прямо в глаза). Едет он в деревню с требой — ждёт себе получить возмездие за совершение её; служит он церковную службу — то же; трудится около своего дома, в поле, потому что видит в этом труде средства для пропитания себя с семейством. Теснимый бедностью, занятый домашним хозяйством, он уж и не видит в своей жизни лучшего блага, кроме покоя внешнего. Занятия жизни духа он считает делом лиц *свободных*, обеспеченных с материальной стороны.

Таким образом, обозначились три причины, задерживающие благородное развитие духовенства: семинарское воспитание, бедность духовенства и самая жизнь его. Как и чем пробудить и развить самодеятельность в духовенстве при этих препятствиях?

О преобразовании семинарского воспитания мы здесь говорить не будем. Суждение о нём очень далеко отвлекло бы нас от дела и составило бы отдельную огромную статью. О нём уже очень много было говорено и в духовных журналах, и в светских, особенно педагогических. Если бы всё, что было писано в журналах, собрать воедино и хорошенько обсудить, то кажется, можно было бы по этим указаниям совершить реформу духовных училищ, которые бы имели ближайшее отношение к действительной жизни пастыря церкви. Бедность духовенства, недостаточность его материального содержания — это такой предмет, на котором следует остановить внимание. В самом деле, возможна ли при бедности духовенства его деятельность или лучшая жизнь, не погружённая в одни земные интересы? В некоторых духовных журналах эта бедность выставляется на вид прежде всего, как законное извинение многих недостатков духовенства, как прочное основание защиты его и против всех нападений на него. «Обеспечьте нас, дайте нам хорошее содержание — мы заживём не так, мы начнём свои преобразования!» — вот общая мысль на вопросы, касающиеся духовенства с его невыгодной стороны. Но удовлетворителен ли подобный ответ? Так ли он решает все вопросы о духовенстве, чтобы на нём можно было *почить* и не двигаться с места? По нашему разумению, ответ этот довольно шаток, при нём так и выговаривается следующая мысль: «если не обеспечите нас — мы в том же положении и останемся, и не ждите от нас доброго движения». Да разве есть в христианском благоустроенном государстве такое сословие, которое отказывалось бы от высших проявлений духовной жизни? Разве должно в нём останавливаться что-нибудь высшее из-за материальной стороны жизни? Конечно, материальное улучшение быта духовенства должно последовать; но и при бедности своей оно не должно отказываться от доброго движения. Если вообще человек, как царь в мире земном, и поставлен на земле для того, чтобы вдохнуть смысл и душу

в свои служебные обязанности, чтобы земные попечения не властвовали над его духовной природой, не опутывали его своими земными требованиями; если вообще таково назначение каждого человека: то тем более, казалось бы, должно быть это высокое назначение видно в жизни пастыря церкви! Ведь ему следовало бы быть хранителем и проповедником учения Христова; на нём ведь лежит обязанность руководить людей к добру, правде и любви. Если сам Господь избрал его в орудие для приведения пасомых к своему избранному стаду, кто же будет вести их к тому, если пастырь скажет, что его одолела нужда и горькая доля, что ему некогда приложить о них должное попечение? Мы не спрашиваем с этих бедных тружеников пастырей непременно какой-нибудь литературной деятельности, но спрашиваем разумной деятельности собственно в их пастырском служении. Мы далеки от той мысли, чтобы считать служение пастыря хорошо выполненным, если он в известный день отправит богослужение церковное, совершит по приглашению требу. Это будет только внешняя сторона исполнения его должности. Сознаёт ли глубоко сам совершитель великих и страшных Христовых таинств, что он есть Божий приставник к ним; что он поставлен творить дело великого Бога, Творца и Судии вселенной? Проникается ли он всегда глубоким сознанием своего долга — порученное ему от Господа дело совершать во славу Божию, в простоте и смирении, в чувстве сознания своего недостойнства? Принимают ли его пасомые преподаваемые им благодатные освящения их душ не как дело, заведённое исстари, а как дело необходимое, с духовной алчностью и жадной, как дар благодати Иисуса Христа и Святого Духа утешителя, дар, который благоговейно должно хранить и располагать в душе благочестивые мысли и чувства? Входит ли душа их, приемлющая благодатные таинства, в истинный дух и единение со Христом? Ощущает ли она веяние благодати святого духа, радость и мир в душе своей? Знают ли они учение Христово, заключённое в священных письменах для их живота вечного? Ведают ли хорошо Того, Ему же кланяются, и кланяются ли Ему в духе и истине? Вот истинное дело пастыря церкви! Вот обширное поле для его деятельности! Могут ли мешать этой деятельности пастыря церкви его земные труды и бедность? Если же могут мешать, то не лучше ли несколько приходов бедных соединить в один, и тем обеспечит пастыря церкви с материальной стороны, нежели из-за бедности останавливать дело Божие? Но мы не думаем, чтобы бедность духовенства действительно препятствовала деятельности его; чтобы она, кроме удовлетворения материальным потребностям, не допускала ничего лучшего, высшего в жизни его. Число народных школ, учреждённых духовенством в Киевской губернии, восходит до 1 000, в Черниговской до 700, в Рязанской до 700. (На школы мы смотрим не как на дело только официальное, а как на необходимую потребность, сознанную самим духовенством, для обучения народа истинам святой веры и нравственности; и вытекающую прямо из духа, жизни и призвания духовенства.) Не может быть, чтобы лица духовные, взявшие на себя дело обучения, были все богатые; напротив даже, с достоверностью можно положить, что большая часть из них люди бедные, нуждающиеся. Что же значат такие отрадные явления? Значат то, что пробуждение деятельности в духовенстве возможно и при бедности его. И полное обеспечение духовенства не составляет главной пружины к движению, и бедность не может служить препятствием к нему. И богатое, обеспеченное лицо дремлет и восхищается вожделенным покоем, и бедное, необеспеченное может проснуться и трудиться для духовной жизни. Чем же, с одной стороны, поддержать деятельность духовенства, уже пробуждённую, а с другой стороны, пробудить ещё не начатую, при настоящем ещё необеспеченном состоянии духовенства?

Духовная журналистика может здесь оказать важную услугу. Конечно, деятельности нельзя дать как чего-то внешнего, нельзя вбить или вколачивать, показывать палку в руке. Для этого, разумеется, потребны не печатные только наставления к труду, а необходимо собственное сознание и развитие духа. Но тем не менее, духовная журналистика может очень благотворно действовать на это сознание и развитие деятельности духовенства, если задачу свою поставит ближайшее отношение к современной его жизни и его пастырскому служению. Статьи чисто богословского содержания и вообще духовно-учёного могут тогда только быть полезными духовенству, когда в нём уже раскрыто сочувствие к образованию себя и обогащение богословскими знаниями. Статьи лёгкого душеполезного чтения могут иметь истинный интерес только при том же условии; иначе чтение будет обращено в один процесс чтения. Статьи о состоянии и нуждах духовенства, живые статьи о пастырском служении не остаются бесследными и теперь, и вот на них-то должна обратить внимание журналистика. Но и здесь без объяснений нельзя обойтись. Если вы будете изображать жизнь пастыря церкви, какова она должна быть по идее, без приложения к действительной жизни его — не достигнете цели. Это изображение будет сильно только на бумаге. Если вы станете учить духовенство, как совершать службы

и требы, и возводить свои описания на степень догматизма — не достигнете цели, и близкие, по-видимому, предметы эти не произведут на духовенство желаемого действия. «Знаю я это и без описаний», — скажет священник и закроет книгу. Если вы будете описывать внешнее положение духовенства, его бедный быт — опять не достигнете цели. «Мы бедны, все знают это, и много пишут про то; что ж из этого? Давайте же нам денег!» Вот что обыкновенно говорят после подобных описаний. В последнее время описания бедности духовенства стали наскучивать ему: пишут, пишут, что духовенство бедно, а облегчения бедности всё нет как нет. Идеалы же священника, выставляемые, например, в «Страннике» г. П..., где он, священник, почти отказывается от платы за требы, возбудили в духовенстве неприятное впечатление. «Толкуй он тут неведомо что; поживи-ка сам так бескорыстно, запоёшь не то, писать-то можно что угодно!» Так принята была эта статья большинством сельского и даже городского духовенства. Особенно теперь, когда священнику представляется всё бедность да бедность; когда, при возрастающей дороговизне и сокращении доходов, она становится всё более и более ощутительной, — такие идеалы могут только раздражать. Что же было бы особенно близко духовенству из жизни его? Чему оно было бы очень радо? Чего оно не пропустило бы даром в журналистике? Вот чего: начните рассуждать прямо с форм, в коих поставлена внешняя жизнь духовенства; упрощайте их официальные отношения к его властям и местам присутственным; давайте разумные средства к улучшению быта его — вот это будет дорогая находка для него, вот этим вы заденете за живую струну, это будет читать священник везде: и в овине, и дома, потому что это его насущные нужды. Но и здесь можно только испортить дело, если эти нужды духовенства будут прикрываться туманностью, недомолвками, извинениями, которые будут заметны с первого раза. Нет, если вы уважаете жизнь духовенства во всей её цельности, то не разбивайте её по частям, не прикрывайте несколькими частными фактами множества разных недостатков; хвалите то, что действительно хорошо, против чего нельзя ничего сказать и возразить. Если предмет жизни духовенства сомнителен — не выдавайте его за нечто непреложное и не приписывайте частных теорий к местам общим. Таким образом критическое начало должно идти рука об руку с историческим анализом жизни духовенства. Попросите самих духовных высказывать свободное слово про себя, про свои нужды: о, оно выскажется прямо из своей жизни, из своего духа, из своей потребности, оно выскажет слово, глубоко придуманное, глубоко прочувствованное! Дайте силу и значение его мыслям и взглядам, чтобы не напрасно ими били воздух; чтобы видна была прямая цель, для которой они предназначены. Тогда и только тогда закипит деятельность в духовенстве, какой и не ожидаете, явится жизнь после долгого сна. Тогда можно было бы в каждом благочинии устроить хоть раз в месяц общие съезды для обсуждения своих нужд. За этими официальными предметами поставить на ряду другие вопросы касательно благоустройства семейного, воспитания и образования сыновей и дочерей духовенства; потом вопросы касательно пастырского служения и отношений к прихожанам. Предметы эти — самые близкие для духовенства, и остаться к ним равнодушными невозможно; притом это предметы, неистощимые для разработки. Духовные журналы в этом случае должны быть проводниками воззрений и взглядов духовенства на себя самого и должны представлять правильную, разумную оценку им. Тогда вопросы о духовенстве будут иметь значение не журнальное только, а действительное, вытекающее прямо из духа и жизни самого духовенства. Тогда и только тогда разовьётся сама собою любовь к чтению. Но опять повторим, что возбудить деятельность в духовенстве и этими вопросами можно только тогда, когда дастся значение и будет указана цель суждениям о них; иначе и они останутся одною пустою формою без содержания. Сказать правду, и теперь много доброго пишется о духовенстве — об улучшении его быта, его учебных заведениях — но всё это остаётся как-то незамеченным. Даже лица, стоящие во главе, например, духовного просвещения, не читают и читать не хотят, когда пишется что-нибудь про учебные заведения. «Пусть пишут, что хотят, — говорят они, — ничего не выйдет из этого: будем жить по-прежнему!»

Средство к возбуждению и развитию деятельности в духовенстве состоит ещё в том, чтобы особенные (чиновные) должности и награды раздавались не за возрастающую цифру лет, не за многочисленное семейство, а за действительное улучшение себя образованием, за действительно видную, полезную деятельность. Награды, раздаваемые за успешное и ревностное прохождение должности, мало имеют смысла, как скоро это успешное и ревностное прохождение должности условливается цифрою лет прохождения и официальной, часто бездушной исправностью. Странно, однако ж: для получения степени студента семинарии надобно проучиться много лет, выдержать множество экзаменов; для получения особенных должностей духовного звания нужны — цифра лет, официальная исправность, случай... Почему бы, в само

деле, священникам, имеющим доброе сочувствие к интересам науки, не предоставить свободного права держать экзамен на академические степени, и получившим их, как достойнейшим, раздавать должности и награды? Почему бы также не отдавать особенного преимущества тому священнику, хотя бы и молодому, который привлекает внимание всех своею пастырскою проповедью и имеет самое доброе влияние на приход свой, пред тем, кто хотя и много старше его, но ничего не производит? В проекте устава духовных академий есть правило (§ 408), которым допускается возможность держать экзамен на академические степени и не учившимся в академии: но это правило совсем позабыто, так что если бы кто объявил такое желание, то был бы встречен великим удивительным знаком. Если при этом смотреть только на одну задачу академического образования, на тот взгляд на науку, какой даётся в академиях, тогда, разумеется, довольно странно покажется выходка семинариста, объявившего желание искать академической степени, потому что, правду сказать, в семинарии идёт, в большей части предметов, мёртвое, слабое, бездушное изучение. Но не справедливее ли обращать при этом внимание на ту малую сумму познаний, с которыми очень многие выходят из академии? При такой сравнительной оценке найдётся очень много священников-семинаристов, которые не уступят по своим познаниям и учившимся в академии. Почему бы не обратить на это внимания? Почему бы не пробуждать в священниках этого благородного стремления? Разве худо и вредно будет, когда появится много учёных священников? Кто знает, быть может, специально готовящиеся к экзамену вышли бы надёжнее и лучше многих учившихся в академии? Участь академика обеспечена уже при самом поступлении его в академию: он знает, что по окончании курса ему непременно дадут степень или кандидата, или магистра, почему занятия его некоторым образом зависят от него самого, от его воли и расположения. Не учившемуся в академии надеяться не на что; он должен изучить все предметы в той полноте, какая только возможна в его положении. В академию требуются лучшие ученики, но назначаются не всегда таковые: бывает и то, что троим или всем четверым назначаемым можно противопоставить целый десяток, которые ничем не хуже их. Зачем же по крайней мере таким затворять вход в академии, и почему им не дать свободного права вознаградить себя после за то, что число назначаемых в академию всегда бывает заранее определено? Правило устава допускает возможность держать экзамен на академические степени и семинаристам, но в нём не определена мера познаний в известных науках. От этой неопределённости и экзаменуемые и экзаменатор поставлены бывают в положение очень неопределённое и невыгодное. Экзаменатор, например, может дать тысячу вопросов, на которые ответить нельзя, не слушая его лекций в академии. Тогда он будет прав, а экзаменующийся виноват. Для уяснения дела выпишем вполне правило устава: «Ищущий степени кандидата богословия или магистра из монашествующих и белого духовенства, обучавшихся в семинарии, может явиться на экзамен вместе со студентами, или особо; но предлежит ему тот же искус, какому подвергаются сии по предварительному испытанию, с тою только разницею, что освобождается от испытания в одних вспомогательных науках, в §§ 378, 379 и 380 означенных». Вспомогательными науками показаны там: 1) полный курс теоретической и опытной физики; 2) полный курс высшей математики, чистой и прикладной; 3) языки французский и немецкий; 4) всеобщая история и хронология; 5) всеобщая статистика и география; 6) статистика и география Российского государства; 7) древности греческие, римские, российские и церковные. В каких же науках должны быть испытываемы ищущие академических степеней? «Необходимыми для всех вообще студентов духовной академии науками, — сказано в параграфе 377-м, — разумеются: 1) *полный курс богословия*, 2) *курс теоретической и нравственной философии*, 3) *курс словесности*, 4) *библейская, церковная и русская истории*, 5) *языки: латинский, греческий и еврейский*». Устав этот составлен ещё в 1814 году, и очень во многом несогласен с настоящим движением науки в академиях. Во-первых, в числе вспомогательных наук есть такие, которые вовсе не проходятся в академии, например статистика, география и хронология; а во-вторых, в число необходимых наук вошло много новых наук, например, в курсе богословских наук по уставу положено только богословие догматическое, герменевтика, отчасти полемическое богословие, нравственное богословие, каноническое право, а ныне входят сюда ещё науки: богословие пастырское, гомилетика, патристика, литургика и библейская археология. О курсе философском и словесности сказано в уставе глухо. Ныне в академиях на этом курсе преподаются такие науки, которые в семинарии совсем не проходятся, например эстетика, теория искусства, история литературы, история философии, метафизика. К курсу наук исторических относится ещё история русской церкви. Эта разность между уставом и современным ходом преподавания в академиях составляет первое и важное затруднение для ищущего академиче-

ской степени. Второе тоже важное затруднение для него состоит в том, что у нас нет хороших руководств не только по наукам, неизвестным в семинариях, но и по известным. Не говоря уже о словесности и философии, какие руководства можно найти, например, по богословию нравственному, полемическому, пастырскому, герменевтике, гомилетике и археологии? Итак, долг справедливости и любви к развитию духовного просвещения между священниками требует начертать для ищущих академической степени программу определительную, с точным и полным указанием тех наук, в каких они должны быть испытываемы, и указать руководства, по которым безошибочно можно было бы готовиться к экзамену. Если по каким наукам руководств нет, то указать по крайней мере верные источники и замечательные статьи, помещённые в периодических изданиях. Но цель академического образования имеет в виду не одно фактическое знание предмета, а главным образом действительное развитие ума и сердца, выражаемое всего лучше в сочинениях. Как же узнать это в священниках? Во-первых, можно дать им вроде курсового сочинения разработать какой-нибудь предмет, близко подходящий к их званию. Во-вторых, так как ближайшее к должности священника дело есть проповедание слова Божия, то требовать от них, чтобы они в присутствии членов конференции могли свободно сказать несколько поучений на данный предмет без особенной подготовки, наизусть. Не думаем, чтобы успевший в этих требованиях посрамил честь академика и не был достоин академической степени.

Из сказанного вытекают следующие положения, имеющие прямое влияние на пробуждение и развитие деятельности в духовенстве:

1) Семинарское воспитание следует направить так, чтобы оно имело прямое отношение к должности пастыря церкви, чтобы в ученике развилась самостоятельность и любовь к обогащению себя познаниями.

2) Чтобы духовная журналистика, поставив непременно задачею рассуждать о нуждах духовенства, уделила бы по крайней мере особенный отдел для того, а духовенству дать свободу самому рассуждать о своих нуждах, дав значение их суждениям и указав им прямую цель.

3) Чтобы особенные должности и награды раздавались в духовенстве не за официальную только исправность, а за действительное преуспевание в образовании и за действительную видную деятельность пастыря церкви в своём приходе.

4) Священникам дать полную свободу искать академической степени.

Без подписи. Автор Александр Иванович Свирелин установлен по статье: Пятидесятилетний юбилей педагогической деятельности смотрителя Переславского духовного училища протоиерея Александра Иоанновича Свирелина. 21.IX.1850—1900 // *Владимирские епархиальные ведомости (часть неофициальная)*. — 1901. — 1 января (№ 1); 15 января (№ 2); 1 февраля (№ 3). — С. 17—29; 68—77; 123—129.